

«Жаль, что Отто не смог рассказать всю правду
о себе, а ведь его настоящая жизнь была настолько же
поразительна, как и выдуманная».

Теодор Дрепер

Содержание

	Слова признательности	ix
	Секретные службы	xi
	Другие имена Отто Каца	xiii
1	Мистер Ковард и мистер Кац	1
2	В тюрьме	13
3	Избалованный богемец	32
4	Марлен и «красный миллионер»	47
5	Москва	86
6	Красное небо в ночи	99
7	Вердикт до суда	144
8	Куда ведет его судьба	167
9	Красная звезда в Голливуде	213
10	Смерть и дамы в Испании	239
11	Запутанные, опасные времена	288
12	Старые друзья и новые враги	335
13	Красная Прага	386
14	Суд	397
15	Смерть и воскрешение	433
	Примечания	445
	Библиография	485

Слова признательности

Многие люди оказали помощь в работе над этой книгой. Я очень признателен Петре Брезашковой за ее огромную помощь в переводе документов, которые я нашел в Национальных архивах Праги. Я должен также сказать спасибо Ренате Пурношовой и Ленке Матусиковой из Чешских Национальных архивов и также Аранке Мисливковой из Консульства Республики Чехия во Флоренции. Микаэла Ульман, куратор архива Фейхтвангера из Особого Собрания Университета Южной Калифорнии, Джонатан Коу из Библиотеки Ниагарского университета, Даррен Тредвелл из Музея истории человечества в Манчестере, Рональд М. Булатофф из Архивов института Гувера, Ина Прешер из Архивов Пискатора в Академии дер Кунст, Берлин, Марион Мюллер из Вилхелмшавенских архивов, Силка Роннеберг и Вернер Зюдендорф из Дойтч Кинематик — всем им большая благодарность от меня. Особая благодарность Тому Макгири за подборку труднодоступных американских статей для меня, Карену Хьюитту за помощь с нитями повествования, уходящими в Россию, и Дереку Шайелу за вдохновляющие диалоги и благосклонность. Винсент Душел-Клерго охотно помог мне с немецкими текстами. Марина Ван Дер Вал и Марджолин Вредегур помогли с датскими текстами, а Кончи Карбо Гасьон доброжелательно предоставила мне ряд переводов с испанского. Дебора Л. Стивенсон, кон-

тролирующий специальный агент (в отставке), доброжелательно ответила на вопросы, связанные с ФБР.

Служащие Библиотеки Бодлейна, Оксфорд, Библиотеки Рьюли Хауз, Британской библиотеки, Национальных архивов в Кью, Национальной библиотеки Парижа, Национальных архивов Парижа, Государственного департамента США и ФБР — все были, как всегда, неоценимо полезны.

Я также хочу поблагодарить Джона Садлера за появление книги в Лондоне и Джорджа Лукаса, моего агента в «Инквелл Менеджмент» в Нью-Йорке, за его помощь, профессионализм и гибкость. Также громадное спасибо Саймону Торогуду из «Трансуорд» за его чуткость, доброту и проницательность. Также Бену Адамсу из «Блумсбери» (США) за его энтузиазм. И обоим джентльменам за их вдумчивые редакторские советы. Также большое спасибо и Джиллиан Сомерскэйлс за ее ум и высокий профессионализм в великолепной редакторской работе.

Катрин и Марджот — благодарен вам за чуткость и доброту и за то, что делаете мое каждодневное существование наслаждением.

Секретные службы

Чехословакия

Служба Государственной безопасности (*StB, Státní Bezpečnost*) — выполняла роль тайной полиции, также занималась разведкой и контрразведкой с 1945 до 1990 года.

Восточная Германия

Штази, Министерство государственной безопасности (*Stasi, Ministerium für Staatssicherheit*) — государственная секретная служба Восточной Германии с 1950 до 1990 года, занималась разведкой и контрразведкой.

Франция

Второе бюро (*Le Deuxième Bureau*) — служба военной разведки до Второй мировой войны.

Россия

ЧК (Чрезвычайная комиссия) была создана 20 декабря 1917 года. Была трансформирована в ГПУ (Государственное политическое управление) 6 февраля 1922 года. Преобразовано в ОГПУ (Объединенное государственное политическое управление) в 1923-м. Вошло в состав НКВД (Народный комиссариат внутренних дел) в 1934-м, в 1943 году из НКВД выделено МГБ (Министерство государственной безопасности), которое просуществовало до 1953 года. Преемником его стал КГБ (Комитет государственной безопасности).

Великобритания

Служба безопасности МИ-5 (*MI5, the Security Service*) — внутренняя тайная сеть, отвечающая за защиту Соеди-

ненного Королевства от угроз национальной безопасности.

Секретная разведывательная служба МИ-6 (*MI6, the Secret Intelligence Service, SIS*) – государственный орган внешней разведки.

Соединенные Штаты Америки

ФБР – Федеральное бюро расследований (*Federal Bureau of Investigation, FBI*) было основано в 1908 году в целях криминальных расследований и сбора внутренней секретной информации.

OSS (*Office of Strategic Services*) основан в июне 1942 года и существовал до сентября 1945 года. Был предшественником ЦРУ (Центральное разведывательное управление – *The Central Intelligence Agency, CIA*), основанного в 1947 году.

Другие имена Отто Каца

Основные псевдонимы

Рудольф Бреда

Иосиф Кац

Рудольф Кац

Саймон Кац

Андре Симон

Отто Симон

О.К. Симон

Джон Уиллс

Дополнительные псевдонимы

Товарищ Адамс

Конрад Адамс

Андре Симон Брадиани

Рудольф Бреа

Брадар

Бредер

Бредф

Отто Кан

Красс

Ульрих

Неизвестный дипломат

1

Мистер Ковард и мистер Кац

Сидя в кровати — в шелковой пижаме, на мягкой шелковой простыне, композитор, драматург и актер Нозль Ковард принялся читать утреннюю газету. У него был небольшой перерыв между спектаклями, так что он лишь просматривал статьи, не вчитываясь в текст. Вдруг его взгляд привлекло имя, столь близкое и дорогое, — Нозль Ковард. Конец 1952 года был непростым для артиста. В сентябре скончалась звезда многих его пьес Гертруда Лоуренс, которая была его близким другом, а в октябре ему предстояло удалять верхний зуб. Тем временем, готовя вторую часть своей автобиографии, он с горечью вспоминал «оскорбительную» и «отвратительную» критику в прессе, связывающую его с таинственными заданиями британской секретной службы в начале Второй мировой войны [1].

В тот день, 24 ноября 1952 года, взгляд Нозля Коварда привлекло короткое сообщение на странице международных новостей. Прага? Подсудимые? За «железным занавесом»? Обычно он не интересовался этим. Он стал читать дальше. Один из подсудимых, Андре Симон, ранее известный как Отто Кац, признался, что встречался с «писателем Ковардом» в Париже в 1939 году. Ковард знал, что Кац работает на французскую разведку, и незамедлительно предложил ему поработать на британцев [2].

Словно гром среди ясного неба, столь нежелательная «реклама» встревожила Коварда, у которого не было ни малейшего желания быть втянутым в международный скандал, учитывая, что тот угрожал раскрыть факты из его прошлого, охраняемые «Законом о неразглашении государственной тайны». Когда журналисты досаждали ему неприятными вопросами о вербовке советских шпионов, артист, вопреки обыкновению, неохотно говорил о себе. Ковард отверг невероятные обвинения, начисто все отрицал, хотя его первым желанием было прекратить дальнейшие расспросы с присущим ему остроумием: «Хотел ответить прессе, что из-за недавней операции по удалению зуба держу рот на замке» [3].

Ковард помнил подсудимого. Они встретились за обедом вскоре после начала военных действий в роскошном отдельном кабинете парижского ресторана. В то время, по словам Каца (в одном из его редких правдивых заявлений на суде), Ковард «занимал важное положение» в британской разведке [4]. По сути он был главой Британского отдела пропаганды в Париже. На первый взгляд они казались странной парочкой, однако актер и шпион, каждый по-своему, — оба были профессиональными обманщиками со множеством личин. Если Ковард был практически новичком в секретной службе, то непреклонный, загадочный Отто Кац был опасным и скользким агентом, занимавшим руководящие должности в советской секретной службе.

Британская разведка впервые заинтересовалась Кацем в 1933 году, когда он стал часто приезжать в Великобританию с пропагандой коммунистических идей. Проверив его, они обнаружили — по паспорту и визам, что в начале 1930-х годов Кац находился в Москве, где обу-

чался шпионажу. Вернувшись на Запад сразу же после прихода Гитлера к власти в 1933 году, Кац обосновался в Париже, где стал не только правой рукой коммерсанта и мастера пропаганды Вилли Мюнценберга, но и двойным агентом, шпионящим за своим непокорным боссом в пользу Москвы. Под прикрытием опасной борьбы с фашизмом Кац превратился в весьма влиятельного тайного пропагандиста советских идеалов.

Благодаря своей работе он объездил всю Европу, а потом, в 1935 году, и США. В Голливуде влияние Каца достигло невероятных масштабов. Играя роль борца с нацизмом герра Рудольфа Бреды, Кац завоевал сердца и умы ведущих режиссеров, сценаристов и кинозвезд. Феномен Каца/Бреды настолько вдохновил Голливуд, что его упорная и крайне рискованная борьба с Гитлером была выведена на киноэкраны с различными вымышленными героями. Вернувшись из США в Европу, где назревал кризис, Отто Кац сыграл главную роль в создании пропаганды, призванной скрыть кровопролитные и циничные манипуляции Сталина в Гражданской войне в Испании. Эта работа обеспечила Кацу прикрытия, необходимое для реализации плана советского диктатора по очистке рядов от нежелательных элементов.

Отношение Ноэля Коварда к событиям в мире во многом отличалось от взглядов этого широкоплечего советского агента, сидевшего напротив за обеденным столом. Отто Кац, чех по национальности, при всей его любви к светской жизни был целиком и полностью предан своей идее мировой коммунистической революции. Ковард, напротив, был воплощением легкомысленной, привилегированной Великобритании и непоколебимого патриотизма.

Артист заявлял, что поездка в Париж оказалась полной неожиданностью для него, хотя его еще до войны завербовал в качестве «неофициального» шпиона обходительный и очаровательный сэр Роберт Ванситарт, постоянный заместитель министра иностранных дел в 1930-е годы. Этот хитроумный слуга народа, ярый сторонник перевооружения Великобритании, предсказал Вторую мировую войну, хотя менее дальновидные его коллеги пропустили это мимо ушей. Так как ему поручили неофициальный сбор разведданных, Ванситарт был рад использовать свой личный отдел внутри секретной разведывательной службы (МИ-6) — секцию «Z», которую возглавлял «мерзавец» Клод Эдвард Марджорибенкс Дэнси, «полковник Z». Дэнси руководил своей неофициальной сетью шпионов из Буш-Хауса на улице Олдвич в Лондоне, часто вербуя непрофессиональных — и неоплачиваемых — агентов в элитных клубах для джентльменов, таких как *Whites's* и *Boodle's*. Именно здесь он находил людей, чье положение позволяло им собирать информацию о мнениях, политических планах и военном потенциале враждебных держав. Говорили, что среди его «новобранцев» были сотрудники киностудии Александра Корда *London Films*.

Так как декларировалась в основном борьба с фашизмом, многие люди становились добровольцами. Одним из них был «Клоп», отец актера Питера Устинова. Он ухитрился заполучить секретные данные по перевооружению Германии от первого секретаря посольства Германии в Лондоне барона Вольфганга цу Путлица — дипломата-бисексуала, который был также частым гостем на Честер-сквер, где жил известный советский «крот» Гай Берджесс, отличавшийся взрывным характером [5].

Помимо этого, Ванситарт и Дэнси вербовали друзей

из высшего света, которые путешествовали по Европе и США. Одним из них и стал Ноэль Ковард, вероятно, завербованный через общие гомосексуальные связи театрального мира и Министерства иностранных дел Великобритании. Страстно желая внести свою лепту и не очень-то оптимистично взирая на будущее Европы, Ковард докладывал лично сэру Роберту, который в начале 1939 года отправил его в Москву для сбора информации. Блуждая по угрюмой и грязной советской столице со своим гидом — женщиной с волосатыми ногами, от которой несло «прокисшим супом», Ковард заметил гигантскую пропасть между образом, созданным международной коммунистической пропагандой под руководством таких людей, как Отто Кац, и суровой правдой жизни в Советском Союзе. Он был так рад вернуться на Запад, что, казалось, с двойным наслаждением принялся за вкуснейшую яичницу с беконом и свежемолотый кофе, поданные скандинавской официанткой, которая напоминала его близкую подругу Марлен Дитрих. По пути в Англию у драматурга не на шутку разыгралось воображение, когда в Посольстве Великобритании в Стокгольме его попросили отвезти дипломатическую почту на ночном поезде в Осло. Коварду всю дорогу чудилось, что шпионы пытаются пробраться в его спальный вагон, выкрасть документы и убить его — и хотя он никогда не был поклонником всех этих авантюрных драм, ему пришлось стать частью этого мира [6]. В начале Второй мировой войны Ковард работал на сэра Уильяма Стефенсона*, прозванного неустрашимым, который разделял мнение Ванситарта о том, что популярность знаменитостей служит прекрасным прикрытием.

---

* Глава британской внешней разведки МИ-6. — *Прим. пер.*

Парижское задание Коварда стало результатом неожиданного телефонного звонка, который прозвучал в его загородном доме в Кенте в воскресное августовское утро, всего за несколько недель до начала войны. Звонил незнакомый человек, назвавшийся сэром Кемпбеллом Стюартом, который настаивал на незамедлительной встрече — в полночь в лондонской квартире Коварда. По дороге в город актер позвонил в поместье Чартвел*, чтобы обговорить с самим Уинстоном Черчиллем свою возможную роль в предстоящей войне. Несколько разочарованный ответом Черчилля, который посоветовал ему разучить песню *Mad Dogs and Englishmen* и спеть ее на военном корабле Королевского флота, когда они нападут на врага, паля из всех пушек, Ковард приехал в Лондон и стал ждать тайного прибытия загадочного гостя. Тот оказался пунктуален, и их ночная встреча продлилась до трех утра — к этому времени Коварду предложили работу представителя сэра Кемпбелла в Париже, должность, которую Ванситарт убеждал его принять. Шифры были изучены, лишние вопросы отмечены, и всего через две недели подготовки, 5 сентября 1939 года, Ковард, вооруженный противогазом, парашютом и спасательным поясом, полетел в Париж с кейсом, набитым очень скучными документами с пометкой «Совершенно секретно» [7].

Внешне безмятежная общественная жизнь Парижа в период этой «странной войны»** скрывала мрачные тенденции. В течение нескольких лет столица Франции была полем битвы между правыми и левыми, по мере того как Сталин тайно стремился получить контроль над Фран-

---

* Загородный дом Уинстона Черчилля. — *Прим. пер.*

** Период Второй мировой войны от сентября 1939 года до мая 1940-го. — *Прим. пер.*

цией [8]. Сразу же после того, как Великобритания объявила войну Германии*, бывший агент английской коммунистической партии Пол Виллерт примкнул к команде Коварда и связался с некоторыми сомнительными лицами, слонявшимися по французской столице, — среди них был и Отто Кац. Виллерт раньше сотрудничал с чешским агентом, выполнявшим тайные задания для немецкой коммунистической партии и Советского Союза в США. Действительно, всего за несколько месяцев до их встречи в Париже Кац воспользовался услугами ВиллERTA, чтобы перевезти деньги из Голливуда, а также попросил его помощи, чтобы отследить перебежчика — американского коммуниста, агента Виттакера Чемберса [9]. Несмотря на прошлую связь между Виллертом и Кацем, именно Коварду было поручено связаться с советским агентом [10]. Как известно, встречу организовал их общий друг — немецкая кинозвезда, «открытая» Отто Кацем, которую Ноэль Ковард называл своей «Дарлинг ахтунг», — Марлен Дитрих. Как и многие ее соотечественники, Дитрих не вернулась в Германию после прихода Гитлера к власти в 1933 году. Она считала его «психически ненормальным человеком» и добавляла в присущей ей манере, что Гитлер «помешался» на ней [11].

Дитрих действительно могла организовать эту встречу. В таком случае ее отношения с Отто Кацем вызывают кое-какие интересные вопросы. Однако более вероятно, что встречу устроил Пол Виллерт. В любом случае именно пропаганда свела Коварда и Каца. Пропаганда, проникающая в душу, — это смертоносное и зачастую невидимое оружие — занимает важное место в жизни Каца. Она

---

* Великобритания объявила войну Германии 3 сентября 1939 года. — *Прим. пер.*

достигла своего пика во время Первой мировой войны, когда такие люди, как начальник Коварда, сэр Кемпбелл Стюарт, стали демонизировать Гитлера. Образы чудовищных солдат — убийц детей и рассказы об их зверствах многое сделали для победы союзников. После войны пропагандой пользовались как эффективным инструментом в большом бизнесе, но также с ее помощью противоборствующие силы стремились скрыть собственные преступления и навязать свое мнение ничего не подозревающему миру. В 1940 году стало очевидно, что тот, кто сможет сломить решимость врага, станет победителем. Так что теперь, за обедом, целеустремленный и энергичный глава Британского бюро в Париже просил совета, как лучше распространять расхолаживающую и дискредитирующую информацию о Третьем рейхе. Кац собаку съел на этом — он продвигал факты и вымыслы о коммунизме почти десять лет и достиг впечатляющих результатов. Следуя совету Вилли Мюнценберга, он сделал так, чтобы враг «стал омерзителен для всего мира» [12].

Когда Ковард встретился с Кацем, советскому агенту было 44 года, его шарм потускнел, а светлые волосы начали седеть. Едва заметный шрам спускался от левой ноздри до правой стороны подбородка. Небольшой след, совершенно не уродующий лицо, который говорил о его любви к авантюрам и риску. Он лишь укреплял манящий образ неисправимого обольстителя, чьи светлые, большие, голубые глаза притягивали, словно магнит. Женщины, особенно бальзаковского возраста, не могли устоять перед его обаянием. Как заметил его друг и коллега Клод Кокберн, Кац «соблазнял каждую симпатичную женщину, которую встречал, и с огромным успехом» [13]. По оценке ФБР, опытный агент, которого Ковард стремился завер-

бовать, был «крайне опасным человеком» [14], тем более что он был виртуозным соблазнителем. Он хорошо знал языки и имел блестящий круг любовниц, сообщников и противников, который охватывал верхушку международной светской, политической и культурной жизни, а также само сердце разведки.

К счастью для Коварда, который хотел переманить агента, Кац немного нервничал. Он пытался выбраться из лабиринта, выхода из которого, как убедились многие его товарищи, не было. Друзей и коллег вызывали в Москву, а потом они исчезали. В эти первые дни Второй мировой войны казалось, что Кац никому не нужен. Он был ярким антифашистом; Сталин поддерживал тесные отношения с нацистами и пренебрегал агентами, чье время уже ушло. Если именно Марлен Дитрих — старый друг Каца по берлинскому театру с 1920-х годов — организовала встречу с Ковардом, то, скорее всего, потому, что Кац поделился с ней тревогой. Встречаться с Ковардом было опасно, но Кац привык к риску. Он знал, что британская разведка следит за каждым его шагом на английской земле с 1933 года. Французы «пасут» его. Гестапо идет по пятам. Его собственные люди присматривают за ним. Возможно, Кац на самом деле боялся, или эта встреча стала просто очередной шарадой в его жизни, которая была настоящим театром. Он мог притаиться за кулисами и следить за ходом представления, а временами выходить под свет рампы. Он был умным, целеустремленным, упорным и непреклонным. Кроме того, невыразимо зловещим.

Его бывший коллега Артур Кестлер заметил, что Отто Кац был «очень располагающим человеком... добрым, непосредственным и услужливым», однако он добавляет, что «презирал и любил его одновременно» [15]. Подобная

неоднозначная реакция подтверждает, что у Каца было много личин и ролей. Он играл гуманиста перед ревностными соратниками, убийцу — перед опальными товарищами, бесстрашного антифашиста и борца за свободу — перед голливудской элитой. Что поддерживало Каца, так это страсть к интриге, к перевоплощению в кого-то другого.

Кажется удивительным, что плейбой с такой жаждой жизни мог мириться с монотонным и угрюмым пустозвонством коммунистической пропаганды. Однако он мирился. Для Отто Каца притягательность социалистического видения перекрывала все остальное, делая его убежденным и неустанным борцом за общее благо. Эта вера влекла его в гущу главных событий — в Берлин в 1920-е годы; в Париж, Лондон, Голливуд и Испанию — в беспокойные 1930-е. Однако далеко не ничтожные усилия Каца, направленные на победу пролетарской революции, неоднократно приводили его в богатый мир высшего класса. Несмотря на преданность социалистическим идеям, он выглядел вполне естественно в роли того, кого французы так выразительно называют «икорным левым». Его знакомый, князь Левенштейн, сообщил ФБР, возможно, не совсем искренне, что Кац был «салонным агентом». С большей остротой и проницательностью друг Каца историк Теодор Дрепер отмечает, что его истинный удел — быть «не просто коммунистом», а «архетипом» [16].

Была ли встреча Каца с Ковардом и Виллертом просто поводом для тщательного сбора информации для Москвы с целью выяснения того, что знают британцы, а чего нет? Такая колониальная держава, как Великобритания, была врагом для советской России. Или же Кац стремился прикрыть себе спину, готовя новый путь отступления?

Несмотря на то что СССР и Германия заключили пакт о ненападении, Кац оставался ярким антифашистом. Немцы захватили его родину: «Город, где я родился и ходил в школу, оккупирован нацистскими войсками. Когда они подошли к нему, мой отец умер от горя» [17]. Хотя это смахивает на типичную мелодраму, дата смерти Эдмунда Каца, указанная в чешских архивах, совпадает с днем немецкого вторжения в Богемию. Его народ страдал. Когда началась массовая депортация евреев из Чехословакии, старший брат Отто, Леопольд, оказался среди них — один из бесчисленного количества тех несчастных, которые исчезли в газовых камерах нацистов [18].

Ко времени встречи Каца с Ковардом Британия нуждалась в сведениях о немецкой пропаганде во Франции. Ей нужна была информация о французском рабочем классе, французских коммунистах и антивоенных настроениях. И ей нужно было знать, насколько эффективно ее собственная дезинформация работает в Третьем рейхе. Кац мог предоставить все необходимые сведения. Поделится ли он с Ковардом и Виллертом своими обширными знаниями? Именно это подразумевается в его высокопарном признании на суде в 1952 году: «Я поклялся работать на британскую разведку»; однако это была всего лишь реплика из сценария, сочиненного для труппы из 14 подзащитных в одном из самых тщательно спланированных медийных событий «холодной войны» — показательном судебном процессе в столице Чехословакии.

Нозль Ковард оказался абсолютно неожиданным участником этой буффонады, которую передавали в прямом эфире в течение восьми дней из пражского суда. Это была назидательная, предостерегающая пьеса для блока коммунистов — представление, сильно отличавшееся от

мира шоу-бизнеса, который Кац и Ковард знали и любили. Каждый день заключенные выходили на «сцену», называли имена и делали заявления. Имена были внушительными и часто неожиданными. Заявления были невообразимыми. «Признания» указывали на что-то зловещее и присущее всем странам, граждане которых отказались от своих прав, рабски следуя ограниченному мировоззрению.

На третий день слушаний, 22 ноября 1952 года, Отто Кац вышел на «сцену» и сыграл свою роль в этом фарсе. Следователи выбили ему зубы, и он с трудом говорил, пронося абсурдную пропаганду Партии, которой он посвятил свою жизнь: «Я работал на Великобританию и Соединенные Штаты, где растет антисемитизм и фашизм. И я работал против СССР, где нет расовой дискриминации» [19]. Кроме той, чьей жертвой он стал. Пражская чистка 1952 года была обусловлена многими стратегическими причинами, но так как большинство из подсудимых были евреями, этот процесс отдавал сталинским антисемитизмом. Кац был одним из первых, кто рассказал людям за пределами Германии о жестокости гитлеровского расизма. Он неустанно работал на Партию, пользуясь самыми разными вымышленными именами и личинами. Никто не мог сказать с полной уверенностью, кем или чем он был. Однако одно неопровержимо — Отто Кац был евреем.

Всего через восемь дней после того, как Ноэль Ковард узнал о пражском процессе и столкнулся с вниманием любопытной прессы, 11 из 14 коммунистов, оказавшихся на скамье подсудимых, были повешены. Одним из них был Отто Кац — и его уста умолкли навсегда.

2

В тюрьме

То, что произошло с Отто Кацем и 13 другими подсудимыми пражского процесса за несколько месяцев до ноября 1952 года, было чудовищно, однако закономерно. Как коммунисты, живущие под властью Сталина, они очень аккуратно выбирали слова. Они взяли за привычку оглядываться. За 35 лет после русской социалистической революции миллионы людей, которые не покладая рук трудились на общее благо, были уничтожены. Это могло случиться ночью. По сути, так оно обычно и бывало. Товарищей учили не сопротивляться — у Партии свои причины, и Партия всегда права.

Главные «слуги» нового коммунистического правительства Чехословакии с комфортом разместились в привилегированных домах. Внушительная резиденция Отто Каца располагалась в консульском округе, недалеко от величественного дворца в Градчанах. Все они пользовались валютными магазинами, изобилующими продуктами и различными товарами. Эти люди обладали властью и связями, которые облегчали им жизнь после многих лет изгнания и борьбы за свои идеалы. Потом случилось то, чего следовало ожидать. Как-то один из них, Артур Лондон, проезжая по улице, мельком взглянул в зеркало заднего вида своего автомобиля. Почти вплоты за ним ехала чер-

ная «татра»: такими машинами обычно пользуется служба госбезопасности. Он свернул за угол. Машина последовала за ним. Он остановился. Машина тоже остановилась. С тех пор за ним следили. А потом слежка исчезла.

Заместитель министра иностранных дел Артур Лондон знал Отто Каца уже 20 лет. Как и Кац, он прошел подготовку в Москве; как и Кац, он боролся с фашизмом. Во время Гражданской войны в Испании он воевал в интернациональных бригадах, а во Второй мировой войне примкнул к французскому Сопротивлению, за что его посадили в тюрьму. После войны, опять-таки как Кац, он был среди элиты, которая привела чехословацких коммунистов к власти в 1948 году. Наконец-то их мечта начала воплощаться в жизнь. Но теперь эта мечта превратилась в кошмар. Черная «татра» вернулась.

На этот раз Лондон постарался избавиться от «хвоста», но его непрошеные попутчики держались поблизости и остановились, когда он припарковал машину, намереваясь заглянуть к весьма полезному знакомому — главе госбезопасности. Освальд Заводски удивился, услышав, что за его гостем следят, и приказал прекратить слежку. Лондон показал другу список номерных знаков машин, которые преследовали его в течение этих недель. Незаметно он подвел хозяина к окну в гостиной, чтобы показать черную машину, припаркованную внизу. Заводски забеспокоился. Лондон ушел, но позже вернулся, чтобы выразить свое возмущение главе госбезопасности. За последние месяцы рабочий стол Лондона неоднократно обыскивали, а телефон прослушивали. Что происходит?

Явно потрясенный тем, что слежка за его другом все еще продолжается, Заводски выключил свет и снова взглянул на машину, припаркованную на улице. Его лицо

дрогнуло. Ему ничего не было известно об этой новой слежке. И вдруг он понял, что больше не контролирует ситуацию.

Потом «татру» отозвали. И вновь заместитель министра вздохнул с облегчением, однако через какое-то время машина вернулась. На этот раз она следовала за ним несколько дней, а потом снова пропала. Подобная игра в кошки-мышки станет до боли знакомой тем, кто будет мишенью. В этой слежке не было ничего тайного — только явная угроза.

Несколько недель спустя, в воскресенье, 28 января 1951 года, черный попутчик снова появился в зеркале заднего вида машины Лондона. Когда он припарковал ее за зданием старого парламента, «татра» тоже остановилась. Эта встреча ничего хорошего не предвещала, так как он заметил вторую черную машину с тремя головорезами внутри. Не зная, что его друга Заводски арестовали за день до этого, Лондон поехал к шефу госбезопасности, чтобы выяснить, что происходит. На пустынной дороге, обнесенной высокой стеной за Тосканским дворцом, одна из «татр» перерезала ему путь; вторая затормозила сзади, поймав машину Лондона в клещи. Вооруженные партийные бандиты затолкали его в одну из своих машин, завязали глаза, надели наручники и помчали по булыжной мостовой [1]. Пройдут годы, прежде чем он поймет, что произошло.

В течение нескольких месяцев 14 пражских подсудимых, наряду со многими другими, просто исчезли. Закон, принятый в августе 1948 года, всего через несколько месяцев после прихода к власти коммунистов, позволял правительству арестовывать людей и держать их в тюрьме до суда. Согласно второму закону, принятому через

несколько недель, были созданы каторжные лагеря, как раз в русском стиле. Эти жестокие меры просто подготавливали почву для прямого вмешательства Советского Союза. К 1950 году лидер чешских коммунистов Клемент Готвальд уже не контролировал свою страну — он получал приказы от товарища Сталина [2].

У арестованных не было никаких прав, никаких имен — только номера. В каждом случае схема слежки, ареста и допроса была практически одинаковой: лишь срок тюремного заключения мог быть разным. Они не знали, куда их привезли. С завязанными глазами, они могли лишь догадываться по длительности пути или доносившимся звукам. Будучи членами Партии, эти люди неоднократно рисковали в своей жизни: все они, как Кац и Лондон, бежали от Гитлера, а затем кропотливо готовили переворот 1948 года, который окрасил их страну в красный цвет. Они были стойкими, упорными, принципиальными; потребовалось немало времени, чтобы сломить их решимость.

В тюрьме первую неделю их запугивали. Заключенного тащили из темной, холодной камеры в комнату для допросов, где ярко горели лампы, держали там как можно дольше, а затем волокли в другую камеру. За дверью каждые 10 минут тюремный надзиратель кричал: «Встать! Ходить!» Если жертва падала от усталости или была слишком слаба, он входил в камеру и бил человека ногами, заставляя его подчиниться.

После 16-часового допроса изнуренного заключенного тащили в камеру, куда через трубу выливалась отвратительная темная жижа, по которой его заставляли маршировать босиком, накручивая бесконечные круги, час за часом, с черной повязкой на глазах — словно готовили к

смерти. В другой камере ему выдавали тяжелые кожаные башмаки и заставляли ходить по кругу до тех пор, пока ноги у него не опухали. Затем башмаки заменяли на другую обувь, которая на первый взгляд казалась мягкими тапочками. Жертва надевала их и вскрикивала: вшитые изнутри острые шипы терзали распухшие ноги. Если заключенный не мог сделать и шагу, в камеру врывались конвоиры и били его головой об стену. Так они добивались подчинения.

Скованные наручниками руки пленников с трудом удерживали миску жидкого супа, которую ставили им на пол камеры. Часто это пойло отнимали до того, как беспомощной жертве удавалось съесть его. Или, когда наступало время приема пищи, заключенный слышал, как гремят металлические миски в каменных коридорах, как открываются другие двери, но не его. Уже через несколько дней заключения человек был совершенно изможден жаждой, голодом и бессонницей: его будили криками и пинками по 30–40 раз за короткую ночь, если это действительно была ночь, ведь в большинство камер не поступал дневной свет. Туалетом служила дырка в полу, и с ободранными, скованными руками невозможно было сохранить ни капли собственного достоинства.

Одни камеры казались вполне обычными комнатами с перегородками. Другие были настоящими темницами с голыми лампочками, которые угрожающе мигали, причиняя боль глазам, когда человеку неожиданно снимали черную повязку. Потом свет выключали. В тесном, холодном помещении заключенный наконец засыпал. Но как только он начинал дремать, к нему врывались тюремщики и окунали его сонную голову в ведро с ледяной водой. Или, чтобы облегчить себе жизнь, просто обливали

съежившуюся жертву холодной водой из ведра. Время от времени заключенного заставляли «упражняться»: ходить на четвереньках, как собака, с петлей на шее вместо поводка, которая затягивалась, если он отставал.

Из своей камеры он слышал, как охранники оскорбляют его. Он слышал, как они говорят по-русски — первая подсказка на пути к разгадке этой смертельной игры. Допросы продолжались, и следователи с каждым разом все острее формулировали свои аргументы против обвиняемого. Так, установилась схема тюремного заключения: неумолимое изнурение, постоянная дезориентация, безжалостная деморализация [3].

Была команда следователей. Они работали посменно, упрямо твердя сострепанную ложь, полные решимости добиться признания с помощью новых методов. «Четыре часа не дадут результатов», а после «длительных допросов» заключенный становится «уставшим, подавленным; он не может все спокойно обдумать» [4]. Такой метод вызывал галлюцинации, ужас и в итоге полное подчинение. Это была психологическая атака, подходящая техника для людей, которые сами мастерски владели манипуляцией. Но 14 пражских заключенных должны были остаться в живых. Их готовили к показательному суду, на котором они должны были произнести принудительные признания. И какими бы невероятными они ни казались, именно эти признания докажут их вину, несмотря на тень сомнений, публике, поддавшейся давлению пропаганды.

Заключенному не позволялось общаться с семьей. Жены писали мужьям, но те их письма не получали. Следователи дразнили свою жертву подробностями о супружеской неверности или говорили, что его жена хочет развода, дети настроены против него, а семья отреклась. Затем появля-

---

лись новые лица, проводившие допрос с пристрастием. Одни были злыми, другие казались добрыми, обещая все уладить, улучшить тяжелые условия, если, конечно, обвиняемый будет сотрудничать.

Вскоре после ареста агенты госбезопасности приезжали в дом заключенного, чтобы изъять «улики», а также ставшие неуместными атрибуты прошлого статуса. Когда заключенного предупреждали о расправе над его близкими, угроза производила еще более ужасающее впечатление из-за присутствия на столе следователя конфискованных вещей, дорогих заключенному. Через какое-то время его семью выселяли из квартиры. Жена теряла работу. Дети лишались образования. Некоторых супругов даже арестовывали. Жену обвиняемого Отто Шлинга, англичанку, самым гнусным образом похитили посреди ночи трое вооруженных полицейских в штатском. Разлучив с детьми, ее поместили в тюрьму Рузине [5]. Страх заключенного за судьбу своих любимых добавлял эмоциональные терзания к физической боли, которую ему причиняли в тюрьме, а также вполне понятное потрясение от того, что именно он — из всех преданных членов Партии — стал жертвой подобной судебной ошибки.

Но как могла произойти ошибка? Всех обвиняемых учили, что Партия никогда не ошибается, и вот они столкнулись с бесконечной чередой ложных обвинений и оскорблений, исходящих от служителей Партии. Их обвинители оставались глухи к правде, глухи к любой попытке заключенных внести ясность в дело, которое все дальше отклонялось от правды. Следователи не допускали никаких поправок и злились, если заключенные повторяли текст «неточно»:

«Какая группа?»

«Группа бывшего...»

«Нет! *Троцкистская* группа».

...

«Какие операции?»

«Операции».

«Нет! *Шпионские* операции» [6].

Недели перетекали в месяцы. Жертвы, пытаясь изо всех сил отрицать это, в конце концов осознавали, что никакой юридической ошибки не было: их судьба решена.

К тюрьме примыкало кладбище. Время от времени измученные узники слышали, как играют похоронный марш. У них забрали очки и вставные челюсти. Одного заставили носить варежки, пока у него не сгнили пальцы. Самыми пугающими, хотя, как ни странно, долгождан-ными, были имитируемые казни. Заключенного, с черной повязкой на глазах, конвоировали к виселице, где ему на шею надевали петлю. Благословенное избавление. Заключенный слышал, как открывается люк, но ничего не происходило; жертву оставляли жить в аду. Люди страдали от переломов и обморожения, впадали в шизофрению и психозы. На одного из лидеров Партии, Рудольфа Сланского, пришлось надеть смирительную рубашку и привязать к кровати из-за приступов безумия. Эвжена Лебла напичкали наркотиками и внушили, что чья-то рука копается в его мозге.

В течение четырех лет заключения в тюрьме Рузине Лебл пытался добраться до высоких окон в своей камере, чтобы разбить стекло и перерезать себе вены. До этого он в отчаянии поранил себе руку зубилом, чтобы путем заражения крови положить конец своей жизни. Несколько других заключенных пытались покончить с собой. Лондон после объявления голодовки накрошил пятьдесят си-

гарет и спичечных головок в свой суп, надеясь отравить ослабевший организм. Однажды ночью, во время почти непрекращающихся допросов, Рудольф Сланский попросился в туалет. По неосторожности следователь первым вышел из комнаты. Воспользовавшись моментом, Сланский вытолкнул его и запер дверь изнутри. Обычно следователи держали пистолет в столе, но Сланский не смог его найти. Оглядываясь вокруг в поисках смертоносного оружия, он заметил телефон и вырвал шнур из стены. Пока он готовил петлю и привязывал шнур к заколоченному окну, охранники яростно ломались в дверь и снесли ее. Так что им удалось спасти генерального секретаря чешской коммунистической партии, чтобы затем повесить его на казенной веревке [7].

Следствие продолжалось. Казалось, что дознаватели с дьявольским упорством стремились изобличить как можно больше евреев. В судебных протоколах их окрестили «сионистами». Этим политизированным термином обозначали проимпериалистических, антисоветских евреев — активистов, выступавших за учреждение современного государства Израиля, созданного в Палестине в 1948 году. Несмотря на прежнюю поддержку СССР, Израиль обратился к Западу, поэтому «сионизм» стал преступлением в глазах Советского Союза. Под влиянием жестокого антисемитизма Сталина расовая ненависть в пражском процессе процветала: «Гитлер был прав насчет евреев»; чешская госбезопасность собиралась завершить начатое им дело. Майор Смола, отличавшийся особой жестокостью, кричал, топая ногами: «Мы зароем в землю и тебя, и весь твой мерзкий народ» [8]. Заключенных заставляли отвечать до тех пор, пока у них не распухал пересохший язык, называ-

ли «бандитами», «свиньями», «предателями», «еврейскими убийцами».

Когда мир Отто Каца начал рушиться, он стал подозревать, что происходит. Устав от 25-летней борьбы во имя Партии, он старался найти разумное объяснение исчезновению своих друзей. Когда Эвжен Лебл спросил его, почему арестовали Владимира Клементиса, Кац ответил, что бывший министр иностранных дел попал в немилость к ветерану московских репрессий, прокурору Сталина Андрею Вышинскому. Когда-то, давным-давно, Клементис осмелился критиковать политику Сталина, а этого генеральный секретарь и его давнишний сообщник никогда не забывали [9].

Одним мрачным вечером, в конце ноября 1951 года, когда Кац ехал домой в трамвае, спускавшемся с холмов Пражского дворца, он заметил жену Артура Лондона, француженку Лиз. Отто по доброте душевной никогда не прерывал отношений с Лиз после ареста ее мужа, в отличие от многих старых друзей Артура. Сев рядом с ней, он рассказал, что в последние месяцы сам чувствует прохладное к себе отношение, но — заявил он с большим оптимизмом — все будет хорошо. Арест Рудольфа Сланского, произошедший несколькими днями ранее, 23 ноября, все объяснял. Лиз внимательно посмотрела на своего преданного друга. Он словно помолодел за последнее время. Он, казалось, искрился своей знаменитой энергией и задором, хорохорясь, как борец перед выходом на ринг. Очевидно, продолжал Кац, именно Сланский приказал арестовать Артура. Теперь, когда Сланский в тюрьме, президент Готвальд все уладит. Кац оживился: он только что отправил чешскому лидеру длинный отчет, который поможет все разъяснить [10].

Но так как от Готвальда уже ничего не зависело, подобное вмешательство лишь помогло решить судьбу самого Каца. Через несколько месяцев, 9 июня 1952 года, его тоже арестовали. Он сразу же заключил сделку. Многие годы он работал на СССР, объездив всю Западную Европу и США, где боролся с фашизмом и устраивал «дымовую завесу», чтобы замаскировать советскую стратегию и террор. Будучи хорошо знакомым с методами своего начальства, он понимал, что нет смысла упорствовать, поэтому вполне мудро решил сдаться. Кац понимал лучше остальных подсудимых, что здесь происходит и к чему это ведет. Он сам разбирался с товарищами, попавшими в немилость. И он выжил.

Осенью 1952 года, до того как покой Ноэля Коварда был так некстати нарушен неожиданными обвинениями из Чехословакии, другой английский знакомый Отто Каца узнал о его тяжелой участи. В конце октября британской разведке удалось подслушать разговор, в котором участвовал кинорежиссер коммунист Айвор Монтегю. Он приезжал в Прагу в начале месяца и позвонил Кацу, как делал всегда, бывая в городе, чтобы пригласить его вместе пообедать. Жена Каца Илзе сказала, что Отто уехал дней на десять и будет огорчен тем, что они не встретились. Монтегю расстроился, но не стал тревожиться. Кац много путешествовал — так было всегда.

Младший сын зажиточного банкира, второго барона Свейтлинга, Айвор Монтегю учился в Королевском колледже в Кембридже в то время, когда марксизм начал проникать в университеты [11]. Зоолог и чемпион по настольному теннису, он позже стал успешным продюсером и кинорежиссером и какое-то время работал в *Gaumont* с Альфредом Хичкоком над первыми шпионскими филь-

мами, такими как «39 ступеней», «Саботаж» и «Тайный агент», которые стали классикой жанра. В 1936 году он ушел из студии, став независимым режиссером, и связался с настоящими агентами. Среди них был Отто Кац, которого он встретил в Лондоне на неформальном приеме у парламентария, «красной» Эллен Уилкинсон. Она представила Монтегю редактору «Коричневой книги гитлеровского террора» Отто Кацу, не сомневаясь, что он сочтет «его весьма интересным человеком» [12]. Оба были связаны с кинематографом; они быстро сдружились, и Монтегю стал важным участником многоглавой системы организаций и проектов Отто Каца.

На следующий день после телефонного разговора с Илзе Монтегю отыскала девушка, работавшая в чешском Министерстве информации. Она сообщила ему печальную новость о том, что его старый друг и соратник Андре Симон — тогдашнее имя Отто Каца — арестован.

Монтегю боялся, что его друг попал под чистку, о чем он сказал в том разговоре в октябре 1952 года. Как коммунист, он оказался в затруднительном положении. Если с Отто все в порядке, то он может и дальше видаться с ним. Но если Отто сделал что-то плохое и скомпрометировал себя, должен ли он признать их связь? Должен ли он связаться с Партией? Он уже отправил сообщение с Гарри Поллитом, генеральным секретарем британской компартии. Не то чтобы это очень помогло. Как говорили товарищи, «стоит Сталину чихнуть, как Гарри Поллит достает носовой платок» [13].

С сожалением Монтегю заметил, что болгары собираются его наградить, добавив, что на самом деле это Кац заслужил награду. Затем беседа стала более туманной и абстрактной: «Каждый, кто был в этой чертовой стране

[вероятно, в Испании], попал под подозрение», «настоящие товарищи понимали, что это необходимо [возможно, расследование, чистка], и одобрили это». Размышляя о своих чешских друзьях, Монтегю заметил, что они подвергались «гораздо более сильному давлению, чем остальные», так как «у них такая уязвимая граница, к которой американцы стягивают свои силы». Проблема в том, вздохнул Монтегю, что Каца часто окружали «плохие люди» [14].

Конечно, стремление Сталина укрепить границы Восточного блока стало одной из причин пражской чистки — как и в 1949 году, когда судили Ласло Райка в Будапеште. Мишенью в том деле была «Западная» группа, сформировавшаяся вокруг венгерского коммунистического лидера: бывшие борцы интернациональных бригад в Испании, якобы националисты, «троцкисты» — все те, кто для блага советской системы должен быть уничтожен. Более того, после 1948 года, когда маршал Тито в Югославии добился независимости от Москвы, призрак неподчинения охладил русских. Тито установил опасный прецедент, особенно в то время, когда американцы предложили очень заманчивую альтернативу советскому коммунизму — «План Маршалла» по экономической помощи Европе. Подчинение Чехословакии Москве обрело первостепенное значение.

Насильственные признания и сфабрикованные судебные процессы были испытанными советскими методами. Ленин создал масштабную систему безопасности всего через несколько недель после Октябрьской революции 1917 года. Широко пользуясь ею, он стал бороться с «классовыми врагами» с помощью слежки, тюремного заключения и казней. Эта первая советская тайная по-

лиция — ЧК — действовала под руководством поляка Феликса Дзержинского, жестокого и убежденного террориста, который считал, что революцию можно защитить, манипулируя страхом народа. Не только оборонительная, но и агрессивная организация, ЧК взяла себе в качестве эмблемы и девиза «Щит и меч» и обосновалась в старом здании российской Страховой компании на Лубянке в Москве. Постоянно расширяющаяся ЧК, переименованная в 1922 году в ГПУ, продолжала расти в ответ на прагматичную жестокость и хроническую паранойю преемника Ленина [15]. Отражая презрение Сталина к человеческой жизни, секретная служба стала отточенным инструментом достижения его целей, а также успокоением для его безумных подозрений. Достаточно было кивка головы в неверном направлении, чтобы вызвать недоверие Сталина. Получение ложных признаний с помощью пыток стало действенной нормой — лишь у горстки людей из тысяч жертв нашлось достаточно стойкости и силы воли для сопротивления. Сталин заметил, что полного подчинения можно достичь только на кладбище, так что истребление — это прекрасное решение: «Нет человека, нет проблемы» [16].

Когда речь шла о хитростях и уловках, направленных на сокрушение противников, реальных или мнимых, Сталин был в своей стихии. Говорят (возможно, это вымысел), что однажды он рассказал, каким видит идеальный вечер: «Выбрать себе жертву, тщательно подготовить план, утолить неумолимую жажду мести, а потом уснуть... нет ничего приятнее» [17]. Сталин, как Сатурн, пожирающий собственных детей, нападал на своих же приближенных, среди которых было множество преданных ему людей. Вместо того чтобы укреплять народное правительство с помощью народа и пропагандировать эту идею во

всем мире, «болезненно подозрительный» [18] Сталин, как червь, подточил само сердце коммунизма.

Илья Эренбург, один из ведущих журналистов и пропагандистов Сталина в 1930-е годы, шутил о том, как два человека в сталинской Москве переходили сравнительно безопасный участок Красной площади:

«Берегись! Будь осторожен».

«Но здесь никого нет».

«Один из нас наверняка из госбезопасности» [19].

Действительно, агенты и информаторы были в каждом уголке страны. В системе, где значение имела только Партия, а не люди, Сталин нашел себе предлог для террора. Он не требовал веры — только страха. Его метод — просто искоренять тех, кто слишком много знал. Подхалимы имели столько же шансов стать жертвами жестокой судьбы, как и те, кому хватило смелости противостоять диктатору. Губительный процесс морального вырождения поддерживался уничтожением самых смелых и умных людей в стране. Интеллектуалы, академики и артисты — люди, чье мнение было веским, — оказались под прицелом. Писатель Исаак Бабель застрелен. Великий театральный режиссер Всеволод Мейерхольд убит. Поэт Осип Мандельштам исчез. Экономисты, ученые, генералы — лучшие люди страны — ликвидированы [20].

Злоба и мстительность Сталина стали очевидны с первых дней его прихода к власти, но именно убийство первого секретаря Ленинградского обкома партии Сергея Кирова 1 декабря 1934 года по приказу Сталина стало преддверием бездны. Сидя в одиночной камере в тюрьме Рузине, Артур Лондон вспоминал свое пребывание в Москве, которое совпало с чистками, отмечая, что убийство Кирова изменило все. Советские товарищи внезапно

стали бояться разговаривать с иностранцами. Гостеприимные русские друзья просто исчезли без следа. Пропали даже люди, пользовавшиеся мировой известностью [21]. Старых товарищей Ленина, Григория Зиновьева и Льва Каменева, арестовали, судили и приговорили к смертной казни. Отто Кац тоже бывал в СССР после убийства Кирова. Ему пришлось смириться с методами Сталина, чтобы служить Партии. Кац знал, что в пражской зачистке нет ничего нового.

После смерти Кирова многие политические деятели и скромные партийные функционеры тоже были казнены за мнимое участие в заговоре против него. Сталин не только замел следы после этого убийства, он и использовал его как предлог для неограниченного террора. С преобразованием ГПУ в более мощное, хорошо финансируемое НКВД, в июле 1934 года заработал дьявольский механизм. Под пристальным и неумолимым контролем советского диктатора НКВД успешно расправлялся с Партией и собственным народом. Жертв грузили в теплушки для перевозки скота и везли в лагеря, где они погибали от холода, голода, болезней или отчаяния, в то время как Сталин ликовав: «Жить стало лучше, жить стало веселее». Миллионы советских граждан были убиты за мнимое участие, даже косвенное, в так называемом заговоре, и это Сталин называл полезным с политической точки зрения убийством [22]. Для того чтобы представить себе эту непостижимую одержимость геноцидом, достаточно вспомнить смелую аллегорию Джорджа Оруэлла — скотный двор и отговорку Свины о том, что это — всего лишь вопрос «тактики» [23]. Казалось, сам дьявол сошел с ума.

Сталин добился успеха, потому что, как ни удивительно, многие советские граждане считали его действия

оправданными. Как Гитлер понимал, что широкие массы «скорее становятся жертвой большой лжи», чем простого злоупотребления служебным положением [24], так и Сталин осознавал, что коммунисты должны признать необходимость чистки. Это была уловка-22 коммунизма. Как говорил Лев Троцкий: «Можно быть правым только вместе с Партией, потому что история не показывает никакой другой правоты» [25].

Это противоречие подтачивало остатки стойкости 14 пражских подсудимых по мере того, как они в исступлении пытались понять, в чем ошиблись. Партия всегда права, однако каждое обвинение противоречило всему, во что они верили. В отношении них, как и миллионов других жертв, Партия была неправа.

Было объявлено, что те из них, кто воевал в интернациональных бригадах в Испании, попали под влияние отступнического течения — троцкизма. Эта крайняя форма марксизма использовалась Сталиным как повод для того, чтобы избавиться от бесчисленного количества людей, включая самого лидера движения — единственного человека, способного бросить ему вызов. Отто Кац участвовал в чистке троцкистов и в Испании, и в Мексике. Добровольцы, участвовавшие в Гражданской войне в Испании, тоже попали под подозрение, так как у них была возможность связаться там с империалистическими врагами Советской России. Как и у всех чехов, которые эмигрировали в Великобританию во время Второй мировой войны. Для такого путешественника, как Кац, возможностей связаться с врагом было множество. Достаточно его отношений с Ноэлем Ковардом.

После ареста Кацу наверняка приходило в голову, что, побывав там, где он побывал, и зная то, что он знал, это

чудо — оставаться до сих пор живым. Если казнь неизбежна, вряд ли стоит страдать, пытаюсь уклониться от смертельной награды за верную службу. Он играл по правилам Сталина; теперь ему придется смириться с «выигрышем».

На допросах Каца приводили сомнительные доказательства его мнимых преступлений и весьма туманные причины ареста. Страдая день за днем в своей камере в тюрьме Рuzине, он размышлял о своих первых годах привилегированной богемной жизни, полной растущей верой в новые, социалистические идеалы; о надеждах на то, что косность и несправедливость, которые он видел вокруг себя, уступят место новому будущему — миру, в котором люди работают на людей, в котором самые удивительные поэзия, искусство и кинематограф создадут новую реальность. О потрясающем инженерном проекте — московской башне Татлина в тысячу метров высотой, с железным остовом, на котором подвешены три гигантские формы — цилиндр, куб и конус — все из стекла, с офисами внутри, конференц-залами и кинотеатром; ее так и не построили. О Льве Троцком, который встретился с художником Фернандом Леже на Монпарнассе и строил планы о разноцветной Москве. О поэте Маяковском, который считал искусство «живой фабрикой человеческого духа...» и говорил, что оно должно быть повсюду — «на улицах, в трамваях, на фабриках...». О мире, в котором можно было посвятить свою жизнь не только девушкам, играм и веселью, но и лучшему будущему для всех. И вдруг — конец ноября 1952 года, тюрьма Рuzине и сталинские конвоиры, спешащие рассеять грезы. Мечты исчезли, словно кончился фильм. Перед глазами лишь черный экран. Кацу остается только гадать, как и почему все пошло не

так. Как он — умный, образованный человек, который знал правду о московских чистках, мог поддерживать Сталина? Вера. Потому что всегда наступает завтрашний день. Потому что он настолько глубоко во всем этом увяз, настолько пристрастился к тайным заговорам и операциям, что от этого, как от дурной привычки, сложно избавиться. В определенном возрасте вообще сложно что-то менять.

Кац гадал, что случится с его любимой, терпеливой и многострадальной Илзе? Где она? Ее тоже арестовали? Ей сохранят жизнь? Она была с ним со времен Москвы — его секретарша, любовница и — вот уже 21 год — жена. Она так много знала. Могла ли она спастись?

В предъявленных ему обвинениях была и правда. Он действительно защищал евреев. Он любил блеск и блага западной жизни. Он был на короткой ноге с кинозвездами и писателями. В Голливуде он чувствовал себя как дома. Несложно представить себе какого-нибудь застегнутого на все пуговицы партийного трудягу, который сомневается, на чьей же он стороне. Он работал на Нозля Коварда. Он работал на американцев. Все было против него. Не стоит гордиться своими достижениями. Прошлое необходимо вычеркнуть. Именно поэтому Кац оказался в камере, в Праге — «закрытой» Праге, где широкая река Влтава замерзала зимой и заледенелые переулки и улицы отбивали у людей охоту выходить из дома. Это был город, в котором государственных чиновников невозможно привлечь к ответственности. Если кто-то осмеливался задавать вопросы, его благонадежность ставилась под сомнение.